

The image shows the interior of a rustic wooden cabin. The walls, ceiling, and floor are made of dark, weathered logs. Two windows with wooden frames are visible, showing a snowy outdoor scene. A wooden table in the foreground has two dark pans on it. A wooden bench is on the left. The surfaces are covered in a layer of snow or frost, suggesting a cold environment.

Пауль Влад

Дом на краю

Пауль Влад

Дом на краю зимы

<https://litres.ru/74636582>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зима 1930 года. Двое детей остаются одни в опустевшем доме, затерянном среди снегов. По ночам в доме начинается движение — будто кто-то, кто ждал и наконец дождался.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пауль Влад

Дом на краю зимы

Глава

Рассказ, записанный со слов моего деда, Егора Яковлевича Клевцова, уроженца деревни Авдотьино Елецкого уезда Орловской губернии (ныне Елецкого района Липецкой области), с сохранением всех обстоятельств, как они были поведаны.

Часть первая.

Зима 1930 года пришла в деревню Авдотьино рано — так рано, что ещё в конце ноября земля затвердела, как чугун, и небо было серое, низкое, будто налитое свинцом, давило на крыши изб, на плетни, на редкие фигуры людей, что топорливо сновали по улице, не поднимая глаз друг на друга, словно боясь увидеть в чужом лице то же самое, что творилось у каждого в душе, — глухую, безысходную тоску, от которой не было ни спасения, ни забвения, ни даже надежды на то, что когда-нибудь всё это кончится.

В тот вечер в доме Клевцовых пахло щами и хлебом — последним хлебом из муки, что осталась в закромах, — и этот запах, такой обыкновенный, такой привычный, отчего-то казался теперь горьким, будто его выпекали не из ржи, а из самой печали, что поселилась в этом доме с той самой мину-

ты, когда в деревне появились люди в кожаных куртках, пахнущие табаком и машинным маслом, с глазами, в которых не было ни жалости, ни злобы, — только пустота, ровная, как снежное поле за околицей, и от этой пустоты хотелось забиться в угол и закрыть лицо руками.

Мать, Пелагея Ивановна, ходила от печи к столу и обратно, и руки её, привыкшие к тяжёлой работе, дрожали, когда она ставила чугунок, и в этих дрожащих руках было больше горя, чем во всех словах, которые она могла бы сказать, потому что она знала — этот вечер был последний, что завтра их, признанных кулацким элементом, увезут, и что дом останется стоять пустым, с заколоченными ставнями и холодной печью, и никто больше не зажжёт в нём огня.

Отец, Яков Никитич, сидел у окна, глядя на улицу, и курил самокрутку за самокруткой, и в глазах его, обычно спокойных и светлых, стояла мутная, серая тоска, от которой хотелось отвернуться, потому что видеть сильного человека сломленным — это боль, которую невозможно вынести, не отведя взгляда. Егор, десятилетний мальчик, сидевший на лавке возле печи, чувствовал эту боль кожей, всем своим маленьким телом, и не знал, куда от неё деться. Он сидел, прижавшись спиной к тёплому кирпичу. Рядом сидел восьмилетний брат Ваня, который горел, как печка, — жар у него начался ещё утром, и мать, укрыв его тулупом, велела сидеть смирно и не выходить на холод. Егор, изредка обнимая брата, чувствовал сквозь тулуп, как мелко и быстро колотится

Ванино сердце, испуганное, не понимающее, отчего в доме стало так тихо, почему взрослые говорят шёпотом, почему мать то и дело вытирает глаза, отвернувшись к печке, и почему отец, всегда такой сильный и уверенный, сидит теперь у окна и молчит, будто и не слышит ничего.

— Егор, — прошептал Ваня, и голос у него был слабый, тонкий, как нитка, которая вот-вот оборвётся, — а куда все поедут?

Егор не ответил. Он и сам не знал. Отец говорил — «в Сибирь», мать говорила — «далеко», а что это значило — «далеко», — Егор не мог вообразить, потому что для него весь мир заканчивался за околицей: за ней начинались поля, потом лес, потом — ничего, белое, пустое, как лист бумаги, на котором ещё не написали ни слова. И это «ничего» пугало больше, чем всё остальное, потому что там, за этим «ничего», не было ни дома, ни печки, ни матери с её тёплыми руками, ни отца с его спокойным голосом, ни деда Никиты с его страшными сказками, которые он рассказывал по вечерам.

Накануне приходили люди. Один из них, с чёрными усами и гладким, как яйцо, лицом, читал бумагу, а другой — молодой, с пустыми, как у рыбы, глазами — ходил по горнице и трогал вещи, и в этих прикосновениях было что-то такое, от чего хотелось кричать, потому что он трогал не вещи, а саму жизнь, которая была здесь до него, и которая теперь уходила, утекала, как вода сквозь пальцы. Он открыл сундук, выта-

шил оттуда шерстяную шаль, что бабушка вязала, и бросил её на пол, и шаль легла на пол, как живая, как будто вздохнула, как будто попрощалась. Потом снял икону, что стояла в красном углу, поставил её на лавку, лицом к стене, и в этом движении было что-то страшнее, чем в словах, потому что икона, поставленная лицом к стене, — это не просто икона, это знак того, что Бога здесь больше нет, что он отвернулся, что он не видит, и что теперь всё будет по-другому.

— Это вам больше не понадобится, — сказал молодой, и голос у него был ровный, как у человека, который говорит о дровах или о сене. Отец тогда встал, и Егор видел, как у него задрожали руки, отец шагнул к столу, мать схватила его за рукав и шепнула ему на ухо:

— Не надо, Яша, не надо, ради детей, не надо.

И отец остановился. Опустил голову. И больше не сказал ни слова. И в этом молчании было всё — и горе, и бессилие, и любовь, и страх. Утром их собрали на площади. Вся деревня высыпала на улицу, мужики стояли кучками, бабы причитали, и над всей этой толпой висело что-то тяжёлое, серое, как небо, что-то, от чего хотелось убежать, но бежать было некуда, потому что бежать было некуда уже давно, с той самой минуты, как по деревне прошёл слух о раскулачивании. У семьи Клевцовых было пятеро саней, на которых когда-то возили снопы, в них уже разместились дед Никита, бабка Аграфена и ещё двое дядей Егора, с жёнами и детьми. Старших братьев Егора — Никиту и Петю — семья увози-

ла с собой. Дорога в ссылку была долгой и трудной, поэтому младших, на время, пока Клевцовы не обживутся на новом месте, решено было оставить дома, за ними должны были приехать родственники из-под Орла. Всего — восемнадцать душ. И в этих восемнадцати была вся жизнь Клевцовых, вся их история, всё, что они построили, вырастили, сберегли, — и теперь это всё умещалось на санях, и сани эти были готовы тронуться в путь, из которого, скорее всего, не вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.